

Пути католической пропаганды

Как бы ни была свята цель «да вси едино будут», все же не каждый путь к этой цели пригоден и свят. Неправильный метод действия не приведет нас к желанному идеалу Единства, но лишь удалит от него и, быть может, на века отодвинет осуществление того братства во Христе, о котором все мы молимся за литургией. И если в общности всех христиан, в идеале Единства, не может быть греха, то возможно, что некоторые мнимые пути к нему скрывают в себе дьяволы искушения и, тем саамам, весь подвиг Единства превращают в «соблазн единения».

Поэтому никогда для христианина цель не оправдывает средства: благочестивая цель обязывает и к благочестивым же, святым средствам. Сказано: «блюдите как опасно ходите» и нам необходимо блюсти, чтобы не отклониться на ложную и опасную дорогу. При пропаганде соединения Церковей нужна крайняя осторожность, чтобы подготовка этого радостного акта была подлинным пробуждением братских чувств, а не выродилась бы в кошунственную торговлю компромиссами между восточным и западным пониманием Христова учения.

Все сказанное объясняет, почему уместен и законен интересе не только к самой мысли о церковном Единстве, но и к тем путям, коими распространяется и осуществляется эта мысль, — иначе говоря, к практическим методам пропаганды унионистической идеи.

Мы, православные, сравнительно мало знаем католиков и часто представляем себе римскую Церковь, как какой-то монолит воли и действия, законченное всестороннее единство, обусловленное единой богословско-философской доктриной и черпающей свое видимое могущество в последовательном осуществлении принципа строгой иераричности. Справедливость подобного представления лишь очень и очень относительна: в католической доктрине есть чувствительные идеологические колебания, которым, в свою очередь, соответствуют значительные расхождения определенных лиц и групп в оценке задач повседневной практической

деятельности. Поэтому и в вопросах пропаганды унионизма нет на Западе единой тактики, и нам важно выяснить, с каким из многих течений приемлема для православных совместная работа, кого надо отметить, как врага, и кого любить, как друга и брата.

Этих течений и оттенков очень много и слагающееся теперь русско-католическое движение представляет собой неоформленную и скрытую борьбу противоположных начал и тенденций.

Несколько схематизируя и упрощая, можно найти в католическом унионизме две диаметрально противоположные позиции в отношении православия. Есть, впрочем, и третья: это колеблющаяся и непостоянная позиция Велеградских съездов, отклоняющая то в ту, то в другую сторону.

Для нас наиболее приемлемым является первое течение, которое я, по месту его особо сильного развития, назову *амейским* течением¹.

Основой идеологии практической деятельности монахов ордена Соединения Церквей (В Амау) является твердо устоявшийся и вполне сознательный *иренизм*, искреннее уважение к своеобразиям русской религиозности, незыблемая вера в то, что только в чувстве любви ко Христу и друг к другу можно вновь обрести утраченное сознание духовного онтологического братства всех христиан. Амейские монахи много трудятся над тем, чтобы возможно шире и полнее ознакомить католический мир с неисчерпаемыми богатствами и красотами православия, явить Западу русское благочестие так, как оно есть на самом деле. Надо только пожалеть, что тяжелые нынешние условия русской церковной жизни не позволяют нам оказать должное содействие амейским братьям, и, что ни один из русских монастырей не в состоянии сейчас исполнять подобную же работу в отношении католичества, знакомя русский народ с его внутренним богатством и раскрывая общую с православием основу религиозной психики Запада и Востока.

---

¹ См. статью одного из монахов Амейского монастыря, в Вестнике №11, 1927 г.

Деятельность амейцев, доказывая, что сознание сестринства Церквей и искренняя любовь к православию до сих пор живы в католическом мире, лучше всех других средств и методов ведет к цели пропаганды Единства. Поэтому тот путь, который выбрали скромные бельгийские монахи, ученики и последователи незабвенного кардинала Мерсье, мы должны признать удачным.

Но, как я уже сказал, есть и второе течение, обнимающее собой очень пестрые и разнородные группы. Главным образом, к нему принадлежат галицийские униаты во главе с Шептицким, и полуэкзотические «русские конвертиты», бесплодно, но упорно пытающиеся взять монополию на истолкование «l'âme russe» и интеллектуальное посредничество между Востоком и Западом.

Третьим составным элементом этого течения являются польские иезуиты, недавно начавшие принимать в Орден лиц восточного обряда и, специально для конвертитов, открывшие новую семинарию, т. назыв. «Albertinum».

У многих представителей этих групп идеология заменена простым непониманием действительного положения дела, фанатизмом и наивным представлением о возможности усиленной пропаганды, чуть не завтра же достигнуть соединения Церквей.

Не обладая широким кругозором, сторонники этого направления в качестве тактики выбирают пути грубого прозелитизма среди шатких в вере русских; они как бы надеются, что им удастся методом персональных конверсий обратить в католичество весь 150-миллионный русский народ.

Основной и главной ставкой лиц, сплоченных вокруг «Albertinum», является создание конкурирующей с православной Церковью русско-католической Церкви восточного обряда, которая должна принимать в свое лоно всех конвертитов по одиночке, так чтобы сама Церковь православная была оставлена в стороне и вопрос о соединении был разрешен фактически без нее. Избегать того, чтобы иметь дело с организацией и стараться влиять

на отдельных членов — это старая тактика, давно применявшаяся католической пропагандой в России и никогда не увенчивавшаяся сколько-нибудь значительным и заметным успехом. Таким же образом проповедовали миссионеры среди еретиков или язычников, — донныне еще этот опыт китайской и африканской пропаганды тяжелым бременем привычки висит на ордене иезуитов и заставляет их избирать тот же проторенный путь и в Россию. Не приходится особо подчеркивать, что в отношении православия (инославия, но не ереси — с точки зрения католиков), не могут быть применяемы подобные методы. Действительно, в Церкви, как в обществе верующих, кроме видимой, есть еще и невидимая сторона, заключающаяся в незримом присутствии самого Спасителя, в наличии благодати и даров Духа Святого.

Церковь, как таковая, как невеста Христа, раз возникнув, имеет реальное бытие, независимое от верующих, — она есть *мистическая универсалия*, способная существовать даже и тогда, когда нет людей. Благодать сама по себе не иссякает, она не может уменьшиться или ухудшиться, измениться количественно или качественно, в зависимости от уменьшения или увеличения числа членов Церкви.

Невидимая православная Церковь осталась бы и тогда, когда все, или почти все ее члены по одиночке, перешли бы в Католичество — это была бы Церковь ангелов и святых.

Благодать Православной Церкви может слиться с благодатью Церкви римской только в том случае, когда Церкви, как таковые, как организмы, сольются и объединятся, переход отдельных членов никакого значения иметь не может.

Прямо непонятно, как искушенные в «юридизме» и в тонких толкованиях отцы Иисусова Общества проглядели это вопиющее противоречие между их тактикой и догматически установленной, мистической и благодатной равноценностью обеих Церквей. Я приписываю это только старым привычкам миссионерской работы, запоздалым

реминисценциям и инертной неспособности переустроить и реорганизовать аппарат церковной пропагандной работы.

Только что изложенное течение — старо; группа же амейских монахов является более новым и жизненным явлением.

Радостно приветствуя продолжателей славных традиций епископа Мерсье, мы должны решительно отметать попытки прозелитизма в духе Иосафата Кунцевича, духовными учениками которого являются отцы из Albertinum'a. мы верим, что завоевательные тенденции понемногу отпадут и восторжествуют начала любви — тогда мы встретим любовь любовью. Пока же, наблюдая и выжидая, мы должны сказать нашим католическим братьям, что «не все пути ведут в Рим» и поэтому надо тщательно и осторожно выбирать правильную дорогу.

Валерий Вилинский

1 января 1928 г. Брно.